

Андрей Ланиус

Не скучай, хроникёр...

18+

Андрей Ланиус

Не скучай, хроникёр...

«Автор»

2026

Ланиус А.

Не скучай, хроникёр... / А. Ланиус — «Автор», 2026

Две занимательные истории их жизни репортера, хроникёра, газетера, журналиста развлекательной газетки " Не скучай!". Отважный корреспондент - в поисках сокровищ и в борьбе с призраком и оборотнем.

© Ланиус А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Звёздочеты	5
ВСТУПЛЕНИЕ	6
Глава 1. СТРАННЫЙ ЗВОНОК	7
Глава 2. ДРАМЫ ВЕЛИКИХ БИБЛИОТЕК	9
Глава 3. ОБИТЕЛЬ ЗВЕЗДОЧЕТА	12
Глава 4. ДРЕВНИЙ ДОКУМЕНТ	18
Глава 5. БОЛЬШАЯ АРХЕОЛОГИЧЕСКАЯ ЭКСПЕДИЦИЯ	22
Глава 6. УЧЕНИК ЧИНГИСХАНА	30
Глава 7. ЗАБЫТЫЙ РЕПОРТАЖ	33
Глава 8. ДВЕ ПИФИИ	39
Конец ознакомительного фрагмента.	40

Не скучай, хроникёр...

Звёздочеты

Храбрость – это есть не что иное, как терпение в минуту опасности.

Тамерлан, «Уложение».

Что же вытворяет с человеком демон неудовлетворенного честолюбия.

Все силы плюс богатое наследство принуждает бросить на поиски библиотеки Улугбека, известного ученого и правителя эпохи Тимуридов.

Храбрость – это есть не что иное, как терпение в минуту опасности.

Тамерлан, «Уложение».

ВСТУПЛЕНИЕ

Несколько всадников неторопливо двигались в ряд по большой, пустынной в этот предзакатный час дороге, что вела к югу от столицы.

Судя по частым взрывам громкого смеха, среди них находился ловкий рассказчик, не дававший своим спутникам заскучать.

Но даже приподнятое настроение не отвлекало людей от той мысли, что дорога вот-вот должна привести их к караван-сараю.

Сумерки уже сгущались, и пора было становиться на ночлег.

Внезапно далеко за их спинами послышался быстрый цокот конских копыт.

Не сговариваясь, путники остановились.

Через несколько минут на ближнем пригорке обрисовался силуэт скакавшего во весь опор гонца в темных одеждах, с характерной лентой на шапке.

- Похоже, у этого молодца есть к нам важное дело, - молвил рассказчик, уже не пытаясь продолжить свою веселую историю.

- Это моя смерть скачет за мной, - тихо, так, что не услышали другие, прошептал свергнувший государь...

Глава 1. СТРАННЫЙ ЗВОНОК

Мог ли я догадываться, что телефонный звонок, раздавшийся в моей квартире около полудня в пасмурный августовский день, повлечет за собой целую вереницу непредсказуемых событий!

Честно говоря, поначалу я вообще не собирался снимать трубку, притом, что ее «соловьиная трель» прозвучала сейчас совсем некстати.

Я как раз сидел в одних трусах за компьютером, набирая очередной материал для еженедельника «Диковинный мир». Уже имелась договоренность, что статью поставят в ближайший номер, что автоматически увеличивало мой грядущий гонорар примерно на полторы тысячи рублей.

Деньги, конечно, невеликие, но еще не было случая, чтобы подобная сумма оказалась лишней в моем кармане. Поэтому я был преисполнен решимости добить текст до последней точки в течение ближайшего получаса и отправить его в редакцию по электронной почте.

Благо, работа спорилась.

И тут – этот звонок.

Телефон всё трезвонил, уже не давая сосредоточиться.

Сбоку от монитора, на одной из полок компьютерного стола, у меня покоилось глиняное, но тонкой работы изделие, расписанное белой и коричневой краской, полое внутри.

Эта фигурка, купленная мною много лет назад на Сорочинской ярмарке, изображала казака, который сладко посапывал на пышной подушке, скрестив босые ноги и улыбаясь чему-то в своем здоровом богатырском сне.

Иной раз, когда приходилось допоздна засиживаться за компьютером, и глаза уже начинали слипаться, и хотелось послать все редакции к чертям, я переводил взгляд на этого безмятежного гуляку и ощущал неожиданный прилив сил.

Определенно, глиняная безделушка обладала некой магией, снимавшей усталость и стресс.

Я пересчитал цветочки на подушке казака, но испытанный прием не сработал, успокоение не снизошло.

А телефон продолжал трезвонить, будто звонивший точно знал, что абонент находится в квартире.

Чертыхаясь, я вышел в прихожую и выхватил трубку из гнезда.

- Господин Голубев? Краснослав Иванович? – послышался незнакомый мужской голос, словно подстерегавший меня.

- Он самый, - ответил я в третьем лице, тщетно пытаясь угадать, кто бы это мог быть.

- У вас довольно редкое имя, - заметил он.

- Такова была воля моего покойного батюшки! - отрезал я апробированной фразой. - С кем имею честь?

- Надыбин, Михаил Викторович, - представился он.

Это имя, ровным счетом ничего мне не говорившее, тут же вылетело из моей головы.

У меня вообще скверная память на имена и цифры, я способен запоминать лишь те из них, которые чем-то «царапают», но если уж запоминаю, то навсегда.

- Это ваша статья была опубликована недавно в журнальчике «Диковинный мир»? – спросил вдруг он.

- В этом, как вы его назвали, журнальчике я печатаюсь регулярно, практически в каждом номере, - с достоинством ответил я. – Какая из моих публикаций вас заинтересовала?

- Та, где идет речь о поисках пропавшей библиотеки Улугбека.

- Да, это моя работа, - осторожно признался я, уже решив про себя, что звонит какой-то педантичный любитель старины, нашедший в моем материале фактологическую неточность и возжаждавший обвинить автора в некомпетентности и невежестве. – Однако позволю себе уточнить, - добавил я, - что опубликована она была не «недавно», как вы изволили выразиться, а месяца три, даже четыре назад.

- Неважно, – словно бы отмахнулся он. – Я прочитал ее внимательнейшим образом с карандашом в руке, как и несколько других ваших статей. И понял, что вы именно тот человек, которого я ищу. Удивительно, как точно вы всё угадали! Нам нужно встретиться. Немедленно.

Откровенно говоря, нетерпеливо-агрессивные нотки, прорывавшиеся в его голосе, меня насторожили.

Уж не псих ли он, мой неожиданный собеседник?

- Послушайте, э-э, уважаемый, спасибо вам, конечно, за ваши теплые слова и за ваш звонок, - я решил отделаться от него с помощью такого безотказного оружия, как вежливость. - Но должен поставить вас в известность, что я, к сожалению, очень занятый человек. Моя ближайшая неделя расписана по часам...

- Да неужели?! – он выдержал паузу и вдруг коротко хохотнул. – Бросьте надувать мыльные пузыри, господин Голубев. Такого лежебоки, как вы, свет еще не видывал. Я всё о вас знаю.

Нет, бесцеремонность этого типа определенно заслуживала более резкого ответа.

- Что вы можете обо мне знать? Что?!

- Ну, например, знаю, что трубку вы снимаете не сразу. Но если звонить настойчиво, то, в конце концов, ваше терпение лопнет, и вы откликнетесь. Разве не так?

- Послушайте! – начал заводиться я. – Не знаю, кто снабжал вас этой информацией, но мне уже хочется взглянуть на вашу физиономию в упор и сказать вам с глазу на глаз кое-что ласковое...

- Минут через двадцать у вас появится такая возможность, - с бравадой завязатого дуэлянта заявил он и тут же перешел на любезный тон, впрочем, не лишенный задиристости: – Не огорчайтесь, если я расстроил какие-то ваши планы. Всё это пустяки. Я хочу сделать вам предложение, от которого вы вряд ли откажетесь. Я послал за вами машину. Полагаю, мой водитель уже подъезжает к вашему дому. С минуты на минуту он позвонит в вашу дверь. Давайте не будем терять драгоценного времени на пустые разговоры. Ведь вам, вероятно, еще нужно одеться? Мне рассказывали, что дома вы работаете в одних трусах. Советую одеться как обычно, в том стиле, когда вы идете по редакциям. У нас будет встреча без галстуков. Ах, да! Чуть не забыл. У вас же плохая память на имена. Повторяю по слогам, можете записать: Надь-бин Ми-ха-ил Вик-то-ро-вич. Теперь запомнили? Учтите, это не избыточная информация. Нам, надеюсь, предстоит долгая, интересная и плодотворная совместная работа. Ну, всё! До скорой встречи!

В трубке послышались гудки.

Я еще не успел толком осмыслить услышанное, как прозвучал новый звонок – на сей раз дверной.

Глава 2. ДРАМЫ ВЕЛИКИХ БИБЛИОТЕК

И вот уже сверкающий лаком «Мерседес» с затемненными стеклами мчит меня по Приморскому шоссе.

На водителе – форменный китель с золочеными пуговицами и фуражка с черным козырьком и белым верхом, а сам он похож на робота, замаскированного под шофера.

Я попытался разговаривать с ним, но он отделялся односложными обтекаемыми ответами, которые ничего не проясняли. При этом его ни в коей мере нельзя было упрекнуть в недостатке вежливости.

Мне оставалось лишь строить догадки.

Я не переставал спрашивать себя: какого рожна я по доброй воле согласился на эту бессмысленную поездку?! Ведь материал так и остался незавершенным, но, что еще хуже, я потерял к нему интерес, а это означало, что теперь он зависнет в моем компьютере на пару недель. В результате пятого числа я получу на руки двумя приятными банкнотами меньше. Но главное, я нарушил свое обещание редактору, что было совсем не в моих правилах.

А, с другой стороны, меня ожидает встреча со странным и, несомненно, увлеченным некоей идеей человеком. Он перечитал «с карандашом в руке» мои статьи, он знает от кого-то о моих привычках и вообще я для чего-то ему нужен позарез.

Этот «Мерседес», этот молчаливый водитель, застегнутый на все свои золоченые пуговицы, наглядно убеждали в том, что неведомый мне пока господин Надыбин располагает определенными, притом немалыми возможностями.

Какое же предложение он собирается мне сделать, и причем здесь моя давняя статья о поисках библиотеки Улугбека?

Мои мысли потекли по другому руслу.

Вообще-то, в редакциях «развлекательно-познавательных» «толстушек» обеих столиц, а также журналов исторической направленности, с которыми я сотрудничаю, меня считают плодовитым автором.

Среди великого множества тем, которые я разрабатываю ради хлеба насущного, у меня есть несколько любимых, к которым тянется душа.

Одна из этих тем – судьба великих библиотек древности и средневековья, судьба роковая, трагическая.

Три самые великие библиотеки античного мира погибли безвозвратно.

Первым кануло в Лету книгохранилище клинописных глиняных табличек древне-ассирийского «царя царей, царя четырех сторон света» Ашшурбанипала, вошедшего в историю почему-то со славой изнеженного, развращенного и бездеятельного восточного деспота.

Не берусь судить о степени его «изнеженности» и «развращенности», но вот «бездеятельным» называть этого правителя, пожалуй, было бы не совсем верно.

Ашшурбанипал провел немало военных кампаний, отстроил свою столицу Ниневию, поражавшую современников неслыханной роскошью, а главное, собрал первую в мире великую библиотеку, составленную из глиняных книг с клинописными текстами.

По некоторым сведениям, в этой библиотеке в период ее наивысшего расцвета хранились десятки тысяч табличек-страниц, в том числе полный текст эпоса о Мардуке – творце мира и богине Иштар, эпос о Гильгамеше, вавилонские гимны и магические заклинания, сборники древних песен, пословиц и поговорок...

Но еще дед Ашшурбанипала, царь Синахериб, оскорбил вавилонских жрецов.

Те проклинали его и предрекали гибель Ниневии через семьдесят семь лет.

И вот точно в указанный срок блистательная Ниневия была разрушена до основания войсками того же Вавилона и союзной с ним Мидии. Погибла и библиотека, которую не спасли даже ее магические стражи – каменные львы и быки с их золотыми крыльями.

Лишь в 19-м веке археологи раскопали на территории Ирака, близ города Мосул, холм Куюнджик, где находился когда-то дворец «царя царей». Было собрано 25 тысяч глиняных табличек, точнее, их разрозненных фрагментов разной величины, которые хранятся сейчас в Британском музее и в своей массе по-прежнему остаются не прочитанными.

Похожая судьба постигла выдающиеся собрания древних рукописей, манускриптов и свитков в Пергаме и Александрии.

Именно в Пергаме – столице одноименного царства в северо-западной части Малой Азии, городе, основанном еще во времена Троянской войны, научились изготавливать пергамент, что стало настоящей революцией в книжном деле. Прежде рукописи существовали в виде свитков из папируса. И только с появлением пергамента книги получили форму, близкую к современной.

По всему античному миру шла слава о Пергамской библиотеке, в которой хранилось свыше 200 тысяч рукописных книг. Это уникальное хранилище находилось в самой престижной части города – акрополе, под защитой храма богини Афины. Но даже такого рода заступничество не спасло библиотеку от тотального разграбления.

Полководец Марк Антоний, тот самый, один из наследников Юлия Цезаря, руководствуясь лишь собственной прихотью, подарил практически целиком все это книжные сокровища египетской царице Клеопатре, стремясь задобрить ее после того, как по вине римлян сгорела значительная часть Александрийской библиотеки.

А еще через три столетия погибли оба этих собрания, волей судеб собранные вместе.

Четвертая знаменитая библиотека минувших времен, так называемая либерей Ивана Грозного, считается спрятанной. Предпринимались многочисленные попытки найти ее, но все они так и не дали результата.

По всем этим четырем библиотекам у меня давно уже заведены отдельные папки, куда я систематически вкладываю газетные и журнальные вырезки, ксерокопии страниц научных монографий, распечатки интернетовских материалов...

Другой волнующей меня темой являются события 14-15 веков, связанные с именами грозного «сотрясателя вселенной» Тамерлана, точнее, Тимура, Тимурленга – «Железного Хромца» и его многочисленных потомков.

(Для сведения: Тамерлан, хотя и не по доброй воле, на полвека отсрочил падение Константинополя.)

Эти две темы – «Библиотеки» и «Тимуриды» – долгое время никак не пересекались ни на моем рабочем столе, ни в моем воображении.

Но относительно недавно, кажется, в конце позапрошлого года, я вычитал в одной научной работе, на которую случайно наткнулся в картотеке старых авторефератов, что у правителя-астронома Улугбека была уникальная научная библиотека, собирать которую начал еще его легендарный дед Тимур, привозя в Самарканд редкие книги из всех своих дальних походов. Естественно, что и Улугбек, став государем, а правил он долгих сорок лет, не упускал случая пополнить это замечательное собрание.

В целом же, совокупный период правления Тимура и Улугбека в Самарканде длился 75 лет, а это означает, что речь идет о весьма значительной и ценной коллекции старинных книг, среди которых могли оказаться многие шедевры античного мира, считающиеся навсегда утраченными, в том числе из Пергамской и Александрийской библиотек!

Предчувствуя свою неизбежную гибель и торжество противников просвещения, Улугбек спрятал библиотеку (или же только наиболее ценную ее часть, что вероятнее всего) с помощью единственного человека, которому доверял всецело, – звездочета и математика Али Кушчи.

Затем мне удалось найти еще несколько редких исторических источников, содержавших отрывочную информацию об этой малоизвестной, но поистине великой библиотеке.

Оказалось, что существует несколько версий о местоположении того тайника, в котором она могла храниться. Периодически предпринимались попытки найти это собрание, но все они также заканчивались безрезультатно.

Вообще, вся история этой библиотеки состояла из сплошных белых пятен. Я заполнил их своими предположениями, основываясь, однако, на логической увязке известных мне строгих научных фактов.

Материалу была предпослана рубрика «Гипотезы».

Статья эта увидела свет около четырех месяцев назад в «Диковинном мире», но так и прошла незамеченной широкой публикой, не говоря уже о специалистах. По крайней мере, никто мне не звонил, не интересовался подробностями, не задавал вопросов. Скорее всего, многие посчитали ее выдуманной от начала до конца, своеобразной данью восточной экзотике.

А может, и сама библиотечная тема давно уже никого не интересует.

И вот какой-то Надыбин, ссылаясь на эту мою публикацию, нагло отрывает меня от компьютера и буквально силой тащит на встречу с собственной персоной.

Поистине, ничто не пропадает в этом мире без следа.

Ладно, поглядим, что он за птица, и чем продиктован его интерес к библиотеке, растворившейся без следа более пяти веков назад...

Глава 3. ОБИТЕЛЬ ЗВЕЗДОЧЕТА

Ближе к Сестрорецку, в престижной части Курортного района, автомобиль свернул с трассы на боковую дорогу, ведущую к побережью. С обеих сторон красовались стройные корабельные сосны с упругим хвойным ковром под ними. Вдоль обочин - ни одной выброшенной бумажки, ни единой пластиковой бутылки.

Не прошло и минуты, как впереди показался красно-белый шлагбаум, у которого дежурили два добрых молодца подобием милицейских дубинок на поясах. На свежеструганном столбе висел большой плакат с категоричной надписью «Проезд для большегрузных автомобилей закрыт!», который, надо полагать, и обосновывал «законное» право держать здесь шлагбаум и охрану.

При виде нашей тачки молодцы так лихо подняли полосатую перекладину, что моему водителю даже не пришлось притормаживать.

Сразу же за шлагбаумом потянулись respectable особняки, обнесенные кирпичными оградами в полтора человеческих роста. Дачная идиллия под боком у мегаполиса. Покой, располагающий к созерцанию и размышлениям. О таких комфортных условиях повседневного быта простому человеку, вроде меня, оставалось только мечтать.

«Мерс» свернул в боковую зеленую улочку и через полсотни метров вкатил через автоматически открывшиеся ворота в просторный двор, в глубине которого в окружении голубых елей и цветочных клумб высился миниатюрный дворец в средиземноморском стиле со спутниковой антенной на одной из башенок. Слева от дворца маняще вытянулся облицованный голубой плиткой бассейн немалых размеров, наполненный прозрачной водой.

На заднем плане наливался соками яблоневоый сад, обрамленный полосой ягодного кустарника.

Что ж, совсем неплохо устроился этот самый Надыбин.

Тут на мраморное крыльцо из дворца вышел высокий, крепко сбитый мужчина в кожаных шортах и облегающей тенниске кремового цвета. Его хорошо развитые мышцы рук и ног покрывала буйная растительность. В волнистой шевелюре кое-где серебрилась ранняя седина. Отросшие и торчавшие во все стороны волосы на висках, как и полные щеки, которых бритва не касалась, похоже, уже дней пять, говорили о том, что данный субъект не склонен к нарциссизму, и что рядом с ним нет женщины, способной побудить его чаще всматриваться в зеркало.

Меньше всего он был похож на банкира-затворника, привыкшего считать прибыль, предварительно запершись на семь запоров.

Вместе с тем, при всей его стати и несомненной физической силе в нем угадывался некий внутренний надрыв.

Застыв со скрещенными руками у края верхней ступени, он сопровождал каждый мой шаг почти гипнотическим взглядом.

И лишь после того, как я взойшел на предпоследнюю ступеньку, он разъял руки и протянул мне правую ладонь:

- Рад приветствовать вас, Краснослав Иванович, в своей обители! Полагаю, вы не сильно взъелись на меня за мою бесцеремонность? Но у меня были сведения, что вашу задницу очень трудно оторвать от компьютера, коли уж вы взялись за работу. Вот и пришлось действовать методами натиска и напора, которые, поверьте, я и сам не всегда одобряю. Но вы мне нужны, очень нужны, притом срочно! – и он сжал мою ладонь до хруста, будто испытывая ее на прочность.

Я едва удержался от того, чтобы не вскрикнуть.

- Послушайте, раз уж я здесь, то давайте перейдем к сути дела.

- Стало быть, с церемониями покончено, - усмехнулся он, демонстрируя крепкие зубы.
- Быть может, пройдем в дом? Чашка кофе не помешает, а? – и он подмигнул.

- Кто вам рассказал о моих привычках?

- Я многое о вас знаю, - с важным видом заявил он. – И посвящу вас во все свои тайны, но не в один присест, а постепенно. Если, конечно, вы выдержите экзамен.

- Какой еще экзамен, скажите на милость!

- Да не гоните вы лошадей! Расслабьтесь. Будьте как дома. Мы здесь одни. Я даже садовника отпустил, чтобы нам никто не мешал. Сейчас, пожалуй, и водителя отпущу на час-полтора...

Я понял, что чем скорее приму правила игры этого оригинала, тем быстрее получу интересные меня ответы.

Через прихожую, где по бокам высились две древнегреческие амфоры, мы вошли в просторный зал с камином. Здесь можно было бы играть в футбол, по крайней мере, типа «парагвай», если бы не добротный дубовый стол на пару десятков персон, занимавший значительную часть помещения. Вдоль стен на высоких колоннах-постаментах стояло несколько мраморных и бронзовых скульптур античных богов и героев вперемежку с бюстами научных деятелей нашей эпохи, а также еще две древние амфоры.

На дальней стене, над камином, так, что сразу бросалось в глаза, висел большой портрет маслом, изображавший некоего господина в тройке, с галстуком-бабочкой в горошек, в круглых старомодных очках, лысоватого и гладко выбритого, с ухоженными усами. Персонаж был запечатлен на фоне моря и какого-то странного замка, обьятого пламенем.

Очень знакомое лицо... Где-то я его видел, причем совсем недавно.

При всей моей скверной памяти на имена и цифры, я почти фотографически запоминал характерные лица, и живо мог вспомнить иные человеческие черты, выхваченные мною из толпы случайным взглядом еще лет двадцать назад.

У господина на портрете было очень характерное лицо.

Но вспомнить его «носителя» я так и не смог.

- Это Генрих Шлиман, человек, раскопавший Трою и Микены, доказавший подлинность гомеровских эпосов, - разрешил мои затруднения Надыбин.

Шлиман...

Ну, конечно же! Ведь не так давно я готовил «проходной» материал о петербургском периоде его жизни.

- Это мой кумир! – патетически воскликнул между тем Надыбин. – К фактам его биографии мы еще вернемся. И не раз. А сейчас я предлагаю вам расположиться вот здесь, за журнальным столиком, и взбодриться чашечкой только что заваренного кофе. Впрочем, может, вы не откажетесь перекусить плотнее?

На какую-то секунду мне захотелось послать его вместе с его гостеприимством к черту и уйти, хлопнув дверью, но тут я взглянул на портрет Шлимана, вспомнил, что и тот был склонен к эпатажу, и решил, что как-нибудь перетерплю. Хлопнуть дверью я смогу в любой момент. Сначала выслушаю этого типа, бесцеремонно оторвавшего меня от плодотворной и оплачиваемой, хотя и не по высшей ставке, работы.

Я плюхнулся в глубокое кресло и еще раз, уже с новой точки, обозрел этот роскошный каминный зал. Две двери вели из него, надо полагать, куда-то во внутренние покои особняка. А наверх, на нависающие над частью зала антресоли, соединенные, очевидно, с помещениями второго этажа, вела винтовая деревянная лестнка, весьма крутая.

- Ваши родные в отъезде? – спросил я для полной ясности всей картины.

- Вообще-то, я живу один, - неохотно пояснил он и добавил: - Днем приходит горничная, а, попросту говоря, уборщица. Есть еще садовник, но он в дом практически не заходит.

Водителя я только что отпустил. Кухарку вообще не держу. Еду обычно заказываю в ресторане соседнего мотеля, иногда готовлю сам. Но в принципе я неприхотлив по части быта.

- Вам не скучно одному в таком большом доме?

- Некогда скучать, мой дорогой! Притом, время от времени здесь собираются гости. Бывают коллекционеры, антиквары, археологи, путешественники, историки, литературоведы, музейные и архивные работники... Однажды у меня две недели жил немецкий профессор, известный специалист по Шлиману. Ах, как славно мы с ним пообщались! Я ведь, знаете ли, в свое время специально изучил немецкий язык, подобно тому, как когда-то Шлиман выучил русский.

Хозяин явно ожидал развития темы с моей стороны, но я, честно говоря, все еще пребывал не в своей тарелке.

- Ладно, - сказал я, сделав глоток кофе. – Так что там у вас?

Кофе, надо признать, был превосходный.

- Позвольте мне начать всё же с Генриха Шлимана, - поерзал в своем кресле Надыбин.

- Сделайте милость.

- Вы, господин Голубев, человек эрудированный и, наверняка, хорошо знаете биографию этой замечательной личности. Еще мальчиком он услышал предание о Трое и решил, что обязательно найдет этот исчезнувший город, когда вырастет. Поначалу казалось, что мечта так и останется мечтой. Ведь Шлиман был беден, как церковная мышь.

- Вы нашли весьма точное сравнение, учитывая личность его папаши-пастора, - заметил я.

- Но как же мудро он распорядился своей жизнью! – воскликнул Надыбин с ноткой глубокой почтительности. – Другой на его месте выучился бы на археолога, а затем годами обивал бы чужие пороги, выпрашивая у денежных мешков деньги на экспедицию. Шлиман поступил иначе. Он вник в тонкости торговых отношений, стал своим среди купеческой прослойки, овладел, помимо прочего, искусством извлекать прибыль из воздуха и очень скоро сколотил свой первый миллион, то есть, сам сделался денежным мешком!

- Кстати говоря, дело было в Петербурге, - напомнил я.

- Да! И первая его жена, Екатерина Ивановна, тоже была петербурженкой, русской дворянкой.

- Но брак оказался неудачным, несмотря на рождение трех детей...

- К черту брак! – вдруг вспыхнул он. – Я говорю о творческом методе. До определенного возраста Шлиман успешно делал деньги и объездил весь мир. Он содержал всех своих многочисленных родственников, и при этом, заметьте, хранил верность своей детской мечте. Более того, активно готовится к ее осуществлению. Он изучил двадцать языков, в том числе древнегреческий, проштудировал курс археологии, выезжал на раскопки с научными экспедициями, чтобы освоить технику профессии, и вот, наконец, почувствовал, что созрел для подвига, да-да, я настаиваю именно на этом слове – подвиг! Заметьте, к этому времени он не нуждался в спонсорах. Он был избавлен от необходимости унижаться и выпрашивать что-либо у состоятельных акул. Он сам был достаточно богат и опытен, чтобы, повинаясь только своей воле, только зову души и сердца запустить механизм достижения истинной цели своей жизни. В тот счастливый час, когда он смог, наконец, принять решение, круто менявшее весь уклад его жизни, ему было сорок шесть лет, возраст расцвета творческой личности.

По пляшущим искоркам в глазах моего собеседника я понял, что он оседлал любимого конька.

- Что ж, дело ясное, - констатировал я, смакуя бодрящий напиток. – Ваша краткая лекция, пронизанная токами патетики, наводит меня на мысль, что вы горите желанием совершить некое открытие в духе вашего кумира.

- Да! – горделиво выпалил он. - Мне тоже сорок шесть лет. Точнее, уже сорок семь. И даже с хвостиком. И я тоже не нуждаюсь сейчас в средствах. Правда, в отличие от Шлимана, я своих денег не зарабатывал, нет во мне предпринимательского таланта. Я просто получил наследство от своего отца. Не стану также утверждать, что мне с детства являлась в мечтах моя Троя. Но вот с некоторых пор мне страстно захотелось оставить после себя след, открыть для человечества какую-нибудь древнюю тайну. Я перечитал гору исторических трудов, несколько сезонов подряд выезжал с археологами на раскопки в различные уголки планеты, проехал и прошел пешком по большинству маршрутов Шлимана. Но своей цели найти пока не мог. Я метался, собирая материалы то по одной исторической загадке, то по другой, но видел, что все они ведут в тупик, не дают надежды на озарение. Мне не к чему было приложить переполнявшую меня энергию и мой азарт исследователя. Вот что еще крайне важно, - он как бы погрозил мне пальцем. – Я равнодушен к поискам затонувших либо закопанных пиратских сокровищ. Меня не интересуют клады ни Черной, ни Синей, ни Рыжей Бороды. Я не собираюсь искать ни нацистское золото, ни так называемое золото партии. Мне всегда хотелось найти нечто, имеющее отношение к духовным ценностям. Вот в чем проблема. Вот что не давало мне покоя. И вдруг случилось чудо. Я обрел цель!

Некоторое время я молча смотрел на него.

- Чего уставился? – грубовато спросил он. – Думаешь, я сумасшедший?!

- Напротив, теперь я вижу, что вы человек, достойный всяческого уважения. Поэтому с моей стороны было бы некрасиво внушать вам ложные иллюзии. Я скажу вам правду: я не специалист по тимуридам. А ведь вы, как я догадываюсь, собираетесь искать библиотеку Улугбека, верно? Я всего лишь профессиональный журналист, работающий с историческим материалом и умеющий выстраивать на основе известных фактов парадоксальные гипотезы и версии. Это мой хлеб, понимаете? Я умею делать такие тексты. Моя статья про библиотеку Улугбека это тоже только гипотеза, чего я, собственно, и не скрывал. Но реальная тайна запрятана очень, очень глубоко. Я перелопатил несколько десятков научных трудов и понял это. Тайна утеряна пять с половиной веков назад. Вы только представьте себе, ведь это больше, чем полтысячелетия! Да, есть разные версии, но все они, все без исключения, туманны и субъективны. Никто даже приблизительно не знает, где ее искать. Ученые умывают руки. А я, как журналист и литератор, просто констатирую этот факт.

- Не гоните лошадей, приятель, – поморщился он. – Пейте лучше кофе. Я и не рассчитываю получить от вас какой-либо конкретной подсказки. Вы мне нужны совсем для другого дела. Что же касается местоположения спрятанной библиотеки Улугбека, то информация на этот счет, причем самая достоверная, окажется в моих руках в ближайшее время, быть может, уже в конце этой недели. Речь идет не о коте в мешке и не об иголке в стоге сена. Это подлинный документ 15-го века, с личной печатью Мирзы, найденный около семидесяти лет назад.

- Так-так-так, доктор! У меня сразу же появилось много вопросов. И первый из них такой: зачем я вам тогда нужен?

Он поерзал в кресле, крякнул, и я вдруг понял, что он ожидал этого вопроса, который, тем не менее, его смущает.

- Ладно, не буду ходить вокруг да около... Дело в том, что я рассчитываю получить от реализации моей мечты определенные дивиденды. Речь идет, конечно же, не о распродаже старинных фолиантов. Я совершенно бескорыстно хочу вернуть их человечеству, а взамен получить немножечко славы. Той славы, которую имел при жизни Шлиман за свои открытия. Той славы, благодаря которой он создал легенду из собственной жизни. Нет, мне столько и не нужно. Но пусть все знают, что это именно я, Надыбин Михаил Викторович, благодаря исключительно собственной инициативе и собственным средствам, разыскал библиотеку Улугбека, скрытую от людских глаз на протяжении почти шести веков. Короче, мне нужен штатный летописец, хроникер, литератор, который был бы постоянно рядом со мной и в художественной форме

записал бы весь процесс поиска, понимаете? Так, чтобы ни у кого не оставалось сомнений. Правда, Шлиман писал сам. Но у меня, к сожалению, нет литературной жилки. Не дал Бог умения владеть живым, звонким слогом. Поэтому я давно уже решил про себя: как только вопрос об организации экспедиции перейдет в практическую плоскость, я сразу же приглашу опытного литератора, способного описать ход событий объективно, красочно, и в то же время, не забывая о моей личной роли. Только и всего. Это ведь справедливо? Или вы считаете меня презренным честолюбцем? Говорите прямо, не юлите!

- Минуточку, сейчас меня больше занимает другой вопрос: почему всё-таки именно я?!

- Я прочитал ряд ваших очерков и понял, что вам тоже небезразлична эта тема. То есть, мы в некотором роде единомышленники. Это первое. Во-вторых, мне симпатичен ваш слог. Кроме того, я по разным каналам собрал сведения о вас, и оказалось, что вы тот самый человек, который идеально вписывается в мой замысел. Вы одиноки, то есть, как и я, не связаны семьей, вы физически здоровы и выносливы, вы умеете держать слово и хранить чужие тайны. Ну, а отдельные ваши недостатки, вроде склонности, скажем так, к созерцательности, сопровождаемой принятием горячительных напитков, всё же не мешают вам периодически браться за ум и энергично наверстывать упущенное.

- Вы мне льстите, - заметил я. – Но, вообще-то, хотелось бы узнать, из каких источников вы почерпнули всю эту удивительную информацию обо мне?

Он рассмеялся:

- Пока могу вам указать только на один из этих источников. Это моя, так сказать, мачеха, Лариса Леонардовна Крутикова, которая считает себя профессиональной журналисткой.

- Вы сказали – Крутикова? Что-то не приходилось встречать эту фамилию на страницах нашей прессы.

- Когда-то она публиковала свои опусы под псевдонимом «Жемчужная», но, по-моему, давно уже не пишет. С тех самых пор, когда пришла брать интервью у моего тогда еще здравствовавшего родителя, после чего уже на завтра он сделал ей предложение, - с едва заметным оттенком осуждения произнес Надыбин. - Но связь с миром журналистики Лариса Леонардовна поддерживает по-прежнему. По крайней мере, себя она позиционирует именно так. Убедитесь сами. Я обязательно познакомлю вас с ней. В ближайшее время... - тут он рубанул воздух ладонью: - Ладно, в сторону мелочи быта! Я предлагаю вам прямо с сегодняшнего дня стать летописцем экспедиции. Экспедиции, формирование которой я рассчитываю завершить в ближайшие две недели. Вы будете получать зарплату, ну, скажем, превосходящую ваши нынешние доходы в семикратном размере. И это – после вычета налогов. Разумеется, все переезды, питание, гостиницы – за счет организации. Плюс премиальные. Плюс крупная премия по итогам нашего совместного поиска.

- Звучит заманчиво, - я откинулся на спинку кресла. – Но хотелось бы уточнить, что конкретно будет вменено мне в обязанность?

- Вам поручается вести ежедневный дневник, фиксируя в нем не только всё наиболее важное, но также и второстепенное. Я обязуюсь не вмешиваться в вашу работу. Хотя, конечно, иной раз попрошу внести в дневник те или иные соображения. Но в целом вы будете обладать неограниченной свободой для творчества. Даже гонорар за грядущую книгу целиком ваш, - он наклонился ко мне. – Я ведь знаю, что и вас гложет демон неудовлетворенного честолюбия. Кто знает, может, эта книга сделает вам имя.

Что-то уж слишком он поверил, этот мятущийся баловень судьбы, что держит меня на коротком поводке.

В свою очередь, я наклонился к нему:

- Благодарю за заботу о моем будущем. Я тронут. Почти до слез. Но если уж вы решили доверить мне столь ответственную роль, то давайте начнем первую главу с того, что вы поведаете мне всё-всё о той информации, которая позволит вам, как вы уверены, найти библиотеку.

Вдруг ваш документ покажется мне сомнительным? Только после ознакомления с ним я решу, стоит ли соглашаться на ваше предложение.

Я был уверен, что он сейчас начнет брыкаться.

К моему удивлению, он покладисто кивнул:

- Сейчас я посвящу вас в эту историю. Полагаю, излишне напоминать, что на данном отрезке времени она не предназначена для посторонних ушей.

Он подошел к стене, где-то провел рукой, и портрет Шлимана вдруг повернулся ко мне ребром, открыв вид на дверцу сейфа, вмонтированного в стену.

Почти не заслоняя циферблата, Надыбин набрал комбинацию, открыл сейф и достал изнутри нечто, похожее на большой конверт темно-желтого цвета.

- Здесь лежит бумага, которой более 560 лет! – в его голосе слышалось благоговение. – Но рассказать о ней мне хотелось бы в другой обстановке. – Он оглядел каминный зал: - А давайте перейдем в мой кабинет.

Глава 4. ДРЕВНИЙ ДОКУМЕНТ

Надыбин распахнул одну из внутренних дверей, и мы оказались в небольшом коридорчике без окон, отделанном дубовыми панелями и освещенном светильниками в виде факелов.

В торце коридорчика, за другой дверью, находилось, как я вскоре смог убедиться, отдельное помещение, являвшееся кабинетом моего увлекающегося собеседника.

Это была средних размеров комната, всю дальнюю стену которой занимало широкое окно, выходявшее в сад. По обе стороны окна топорщились собранные в складки плотные шторы. Сейчас вся комната была наполнена солнечным светом. Однако не составляло труда представить, что при закрытых шторах она даже ярким днем погружается в полумрак.

Как и в гостиной, здесь тоже имелся камин, только меньших размеров.

Письменный стол, несмотря на свою солидность, также уступал габаритами тому, что стоял в гостиной. Сбоку от него из аккуратно закамуфлированной под нагромождение камней кадки поднимался гигантский кактус, почти достигавший своей колючей макушкой потолка.

Я уже не удивился, увидев на стене портрет Шлимана. Рядом висел еще один портрет – Гомера. Чуть сбоку красовалась древнегреческая маска. Полагаю, это была копия так называемой посмертной золотой маски Агамемнона, найденной Шлиманом при раскопках Микен.

Еще левее висела небольшая миниатюра в рамке.

– Вот! – с гордостью сообщил мне Надыбин. – Гравюра из книги Яна Гевелия. Вытащил вчера из компьютера. Улугбек в кругу виднейших астрономов мира, рядом с музой Уранией – покровительницей астрономии.

– Это всего лишь аллегория, причем довольно поздняя, – заметил я. – Кажется, 17-й век. Улугбек изображен здесь автором-поляком в виде условного восточного мудреца. О каком-либо сходстве с оригиналом говорить, конечно, не приходится.

– Но ведь его прижизненных изображений не сохранилось, так? – сощурился хозяин. – Известный скульптурный портрет Улугбека – это работа нашего антрополога Герасимова, выполненная по черепу. Я слышал, что не все специалисты согласны с его интерпретацией этого образа.

– Существует, по крайней мере, одно прижизненное изображение, – возразил я. – Это миниатюра очень высокого художественного достоинства, подлинник которой хранится в так называемой Фрировской галерее искусств в Вашингтоне. Улугбек изображен на ней в кругу семьи и придворных в момент подготовки к охоте. По мнению специалистов, эта миниатюра выполнена неизвестным автором лет за шесть-семь до гибели Улугбека. На ней он запечатлен цветущим и полным сил мужчиной, тогда как Герасимов показал его глубоким стариком. Впрочем, логично допустить, что верны оба изображения. Просто последние годы жизни были для Улугбека весьма тяжкими во всех отношениях, они-то и привели его к нервному истощению и преждевременному упадку жизненной энергии.

– Как вы сказали? – переспросил Надыбин. – Фрировская галерея искусств? Полагаю, это изображение есть в Интернете?

– Скорее всего, да.

– А вы разве не смотрели?

– Я работаю, в основном, с текстами, – ответил я. – Во всем же, что касается рисунков, а тем более компьютерной графики, увы, не силен.

– Там нет ничего сложного! Хотите, я вас немного натаскаю?

– Как-нибудь потом.

– Ладно, к этой теме мы вернемся на досуге. А за подсказку спасибо! Сегодня же поищу эту миниатюру!

Радужным жестом хозяин указал мне на кресло за столом, в коем я и расположился.

Отсюда моему взору предстала противоположная стена, увешанная коллекционным оружием – саблями, кинжалами, дуэльными пистолетами, африканскими копьями и щитами... На фоне лезвий и стволов выделялась гетманская булава, набалдашник которой густо усеивали конические шипы.

В углу, где сходились оружейная стена и широкое окно, на постаменте стояла еще одна древнегреческая ваза. Приглядевшись, я заметил, что она покрыта паутиной трещин, как бы выбегающих из круглого отверстия в ее серединной части.

- Что это за дырочка в вазе? – поинтересовался я.

- Это знак того, что судьба хранит меня для выполнения некой важной миссии, - не без доли напыщенности возвестил он. – Я стоял возле этой вазы, когда в меня со стороны сада выстрелил один нехороший человек. Он был профессиональным киллером, но почему-то промахнулся. Юрий, мой племянник, уверен, что того ослепил блик солнца. Но я-то знаю, что это был перст судьбы, благоволящей к моей мечте.

- И после этого вы повесили плотные шторы, - догадался я.

- Дела давно минувших дней, - отмахнулся он. – Не будем об этом.

Усаживаясь удобнее, я перевел взгляд на письменный стол, где меня ожидал еще один сюрприз.

Сбоку от монитора, так что не сразу и заметишь, скалился в ухмылке изящный хрустальный череп весьма тонкой работы.

Перехватив мой взгляд, Надыбин пояснил:

- Это память о еще одном моем нереализованном проекте. Возможно, вам известно, что в середине 20-х годов прошлого века американец Митчелл-Хеджес, кстати, археолог-самоучка, нашел в джунглях Центральной Америки древний город майя, а в его развалинах хрустальный череп, изготовленный будто бы с применением неведомых на Земле технологий. Оказалось, что у древних майя существовала легенда, согласно которой боги еще в незапамятные времена подарили людям тринадцать хрустальных черепов. Якобы с их помощью можно проникать в будущее. Позднее такие же черепа нашли в других местах планеты. Одно время я всерьез заинтересовался этой версией. Но потом понял: нет, это не мое. Слишком уж отдает мистикой. В память о том увлечении и остался этот череп, который, конечно же, является обыкновенной поделкой. Эх, дела давно минувших дней!

- Я смотрю, вы не теряли времени даром.

- Именно, что терял, – вздохнул он и снова глянул на меня: - Послушайте, может, вам неприятно соседство с этой штуковиной? Есть люди, которые испытывают неодолимый ужас при одном виде черепа, даже хрустального.

- Лично я смотрю на подобные предметы без всякого трепета. Что же касается неодолимого ужаса, то, признаюсь, я испытываю его перед ползающими тварями. Как-то лет пять назад ездил за грибами и уже потянулся за ядреным моховиком, когда из-под моей руки вдруг шарахнулась в сторону змея. С тех пор я в лес ни ногой, хотя всегда был страстным поклонником грибной охоты.

- А чего их бояться-то, наших змей? – пожал плечами Надыбин. – Они сами, едва завидев человека, готовы спрятаться в первой же норке.

- Вот и мой знакомый Геннадий, профессиональный серпентолог, между прочим, говорит то же самое. Но доводы разума плохо помогают, когда речь заходит о загадках психики. Наши фобии, а они у каждого свои, гнездятся где-то на генном уровне.

- Чай, кофе, сок? – спросил Надыбин после непродолжительной паузы.

- Расскажите лучше о содержимом конверта, который вы так бережно сжимаете в своих могучих руках.

- И вправду, давно пора переходить к делу, – спохватился Надыбин.

Из бокового разреза в «конверте» (беру это слово в кавычки, потому что это был все-таки не конверт) он достал некий артефакт, который выложил, как хрупкую драгоценность, на середину стола.

Это была старинная рукопись. Точнее, один лист из рукописи, исписанный каллиграфической восточной вязью.

С той же осторожностью я взял его и повертел в руках.

Лист был очень плотным, мягким на ощупь с обратной стороны, оба верхних угла имели повреждения, причиненные то ли мышами, то ли временем. Но нижняя часть листа была ровной. Что касается ярко-черных букв, то они казались такими свежими, словно их написали только вчера. На полях стояло несколько круглых и овальных печатей. Буквы на оттисках почти выцвели, хотя их конфигурацию местами еще можно было различить. Несмотря на необычайную плотность бумаги, кое-где виднелись потертости и небольшие дырочки, впрочем, незначительные. Основная часть текста, процентов примерно на девяносто, сохранилась прекрасно.

- Перед вами так называемый ярлык - подлинный самаркандский документ 15-го века, торжественным голосом возвестил Надыбин. – Это жалованная грамота, выданная мирзой Улугбеком одному из его учеников, как свидетельство освобождения имущества подданного от налогов. Написан ярлык на таджикском языке, которым Улугбек владел в совершенстве. Верхняя часть первого листа документа, к сожалению, испорчена. Сохранившийся текст мне перевели.

- И о чем же в нем идет речь?

- Текст начинается с так называемой инвокации – традиционной для всякого старинного восточного документа хвалы Аллаху. Далее торжественно провозглашаются имена мирзы с цитатами из Корана и обращение к визирам и чиновникам финансового ведомства, в чьем ведении находилось налогообложение: «Да будет им ведомо...» Именно эта часть, наименее существенная для исследователя, пострадала сильнее всего. Ну, затем объясняются причины написания ярлыка: дескать, до сведения правителя дошло, что некто, вопреки законам, чинит неудобство его ученику. Далее указано на освобождение от налогов пожалованного лица и строгий приказ не трогать его близких и родственников. Еще ниже перечисляются конкретные налоги, а их число достигало нескольких десятков, но эта часть уже переходит на отсутствующий второй лист.

- Вы сами решили, что это документ именно 15-го века? – осведомился я. – Буквы уж слишком свежие.

- Послушайте, я же не давал повода считать себя самонадеянным ослом, – с некоторой обидой парировал он. – Эту рукопись я передал по отдельности трем экспертам, которые, изучив ее, независимо друг от друга пришли к схожим выводам. Итак, они констатируют, что документ написан специальными черными чернилами на так называемой самаркандской «султанской» трехслойной бумаге кремового цвета и наклеен на полотно, как обычно поступали в старину с особо ценными документами для их лучшей сохранности.

- Ах, вот почему он такой странный на ощупь с оборотной стороны!

- Эксперты указали, что изгибы букв типичны для 15-го века. Буквы на печатях, а некоторые из них, как видите, можно разобрать, имеют прямоугольную форму, которая на печатях позже 16-го века нигде не встречается. Не буду вас утомлять перечислением других деталей, тем более что их немало. Общий вывод однозначен: перед нами документ именно 15-го века, определенно прошедший через канцелярию мирзы Улугбека, накануне его смещения с престола.

- Прекрасно, – кивнул я. – Освобождение от налогов. Мечта каждого подданного великого государя. Но причем тут пропавшая библиотека?

Надыбин снисходительно улыбнулся:

- Этот текст, по сути, является шифрограммой. Лист, первый лист, который вы держите перед собой, служит всего лишь для отвода глаз. А вот на втором листе, который находится у владельца документа, подробно описано местоположение тайника, где спрятана библиотека, а также изображена схема местности. И этот недостающий второй лист будет у меня не позднее следующей недели. Ну, что скажете? – в его бледно-голубых глазках светилось упоение старателя, почуявшего близость золотой жилы.

Некоторое время я хранил молчание, стараясь так сформулировать ответ, чтобы мой визави не обиделся.

- Если всё обстоит столь просто, то где же этот документ мог храниться пять с половиной столетий? Почему за все истекшие века никто не воспользовался заключенной в нем информацией? Почему о его существовании совершенно не известно науке? Наконец, каким чудесным образом этот самаркандский документ, сохранившийся в лучшем виде, попал в ваши руки? Если вы ответите на все эти вопросы без запинки, я, пожалуй, соглашусь, при всем моем скептицизме, разделить вашу бурную радость.

Он сердито зыркнул на меня, но буквально следом по его мясистому лицу вновь разлилось блаженство.

- Вы незамедлительно получите исчерпывающие ответы на все свои вопросы, - возвестил он в духе триумфатора. - Я уже вижу мысленно, как вы начнете чесать свою репу, повторяя: «До чего же всё просто! И почему только я сам об этом не догадался при моем-то богатом воображении!» Но, полагаю, будет лучше, если мы снова переместимся в гостиную. С моим рабочим кабинетом вы ознакомились, и этого пока достаточно. Признаться, я испытываю некоторое чувство вины, осознавая, что недостаточно настойчиво предлагал вам вторую чашку кофе.

- Что ж, давайте вернемся к нашим баранам, - не стал возражать я.

Глава 5. БОЛЬШАЯ АРХЕОЛОГИЧЕСКАЯ ЭКСПЕДИЦИЯ

Мы вернулись в гостиную.

- Можете курить, если есть желание, - он поставил передо мной стерильно чистую пепельницу. – А я пока заварю напиток.

Вскоре просторное помещение наполнилось кофейным ароматом.

Надыбин, так и не присев, принялся кружить по свободному пространству гостиной, то хмыкая, то просветленно улыбаясь, то бросая молниеносные взгляды на портрет Шлимана.

- Что вам известно о Большой археологической экспедиции, работавшей в Самарканде в июне 1941 года? – неожиданно спросил он.

- Кое-что известно, - ответил я, - поскольку тимуриды - это одна из тех тем, которыми я интересуюсь особо. Приходилось, в частности, заниматься изучением событий вокруг вскрытия гробниц в Гур-Эмире, событий, породивших новую волну легенд. Правда, в ту свою папку я давно уже не заглядывал, и многое успел подзабыть, но, полагаю, в общих чертах кое-что припомнить смогу.

- Отлично, – кивнул он с многозначительной улыбкой. – Тогда вам будет проще следить за моей мыслью и даже поправлять меня, если я допущу какие-либо неточности. Итак, в середине июня 1941 года в Самарканде началась, чуть ли не по прямому распоряжению вождя и учителя, раскопка захоронений в мавзолее Гур-Эмир. Ученым предстояло вскрыть саркофаги с останками Тимура и Улугбека, чтобы убедиться, действительно ли Тимур был калекой и действительно ли Улугбек был обезглавлен перед смертью.

- Минуту! – перебил я. – Что касается истинных целей экспедиции, то по этому поводу у специалистов всегда существовал широкий спектр мнений. Если же говорить о конкретных захоронениях, то в Гур-Эмире намечалось вскрытие пяти саркофагов, и этот план был полностью выполнен. То есть, были вскрыты гробницы самого Тимура, двух его сыновей – Мираншаха и Шахруха, и двух внуков - Мухаммед-Султана, сына его первенца Джахангира, и Улугбека, сына Шахруха. Кроме того, в другом самаркандском мавзолее – Биби-Ханым - была вскрыта гробница старшей жены Тимура Сарай-Мульк-Ханум. Между прочим, могила Мухаммед-Султана – любимого внука Тимура, на которого он возлагал большие надежды, рассчитывая передать свою державу именно ему, была вскрыта 24 июня, то есть, уже после начала войны. По плану экспедиции намечалось также вскрытие гробниц ученых-астрономов, учителей Улугбека, якобы тоже погребенных в Самарканде, но эта работа по понятным причинам была отложена, и, как оказалось, навсегда.

- Ну, вот, а еще жаловались на плохую память! – воскликнул он.

- Я не запоминаю с первого раза, - разъярил я. – Но после многократного повторения нужное имя, как и число, застревает в моей памяти так прочно, словно их выжгли там лазером.

- Позвольте мне взять свою неуместную реплику обратно, а главное, поблагодарить вас за своевременную поправку, – рассыпался он в любезностях. - Теперь я вижу, что вы знаток вопроса, в отличие от меня. Я же знаком лишь с отдельными вехами биографии Улугбека, да и то поверхностно. Кое-что успел прочитать за последние две недели у Герасимова, кое-что выудил из Интернета, где, увы, много мусора, и непосвященному требуется потратить уйму времени, чтобы отделить зерна от плевел. Но если рассуждать с прагматической точки зрения, имея в виду конечную цель, то нас должны интересовать, прежде всего, обстоятельства, связанные с захоронением Улугбека. Вам, конечно, известно, что этот государь-астроном был погребен по другому обряду, чем остальные его царственные родственники?

- Что вы имеете в виду?

- Улугбек был злодейски умерщвлен подосланным убийцей, то есть, умер насильственной смертью, но не в бою. Поэтому его хоронили как мученика, шахида.

- Признаться, я не помню, в чем там разница?

- О, разница велика. В ней-то вся суть! – воскликнул он, определенно радуясь, что и сам получил возможность блеснуть эрудицией. – Тимура, например, хоронили в соответствии с бытовавшей мусульманской традицией. Его тело обмыли, набальзамировали, умастили благовониями, а затем облачили в саван. Улугбека же, как и всякого шахида, хоронили в той одежде, в какой он встретил смерть. Такой существовал ритуал, понимаете? Согласно бытовавшей уже тогда традиции, погибшего в результате насильственной смерти, но не в бою, перед погребением нельзя было ни переодевать, ни обмывать, ни бальзамировать. Поэтому тело вместе с головой, отделенной от туловища, завернули в плотную ткань, после чего поместили в гроб. Но тут-то и возникает ключевой вопрос: в какой же одежде Улугбек встретил свою смерть?

- Постойте, что-то я не пойму, куда вы клоните...

А он с каким-то упоением продолжал:

- Убийство произошло в окрестностях Самарканда, в конце октября, когда по ночам в Средней Азии уже прохладно. Притом Улугбек как раз отправился в долгое путешествие в Мекку. Во что же должен облачиться перед дальней дорогой путник на исходе второго осеннего месяца, зная, что в пути его ожидают холода? Очевидно, одежда должна была быть по сезону, то есть, достаточно теплой и плотной. Согласны?

Интригующая нотка в его интонации снова кольнула меня, и от внезапной догадки у меня мороз пробежал по коже. Нет, это было бы слишком дерзко, чтобы оказаться правдой!

Я даже забыл про кофе.

- Не хотите же вы сказать, что если бы Улугбек спрятал в своих одеждах нечто, например, некую записку, то она перекочевала бы, никем не обнаруженная, вместе с его останками в склеп?

- Именно это я и собираюсь вам втолковать, мой недоверчивый друг! – напыщенно воскликнул он.

Тут уж я и сам начал заводиться.

- Да известно ли вам, господин Звездочет, что Улугбека хоронили дважды?! Сначала, согласно одной из версий, верные ему нукеры нашли его обезглавленное тело на околице пригородного кишлака, завернули в кусок ткани и тайно доставили в Самарканд, где похоронили в углу двора медресе, носившего его имя. И только через полгода, когда власть в Самарканде опять сменилась, останки Улугбека были ритуально перезахоронены в Гур-Эмире, где они покоятся и ныне?!

- Как раз эту часть истории я усвоил, - кивнул Надыбин. – И хочу вас заверить, что сам факт перезахоронения ничего не меняет. Ибо перезахоранивали Учителя, опять же, как шахида. Лишь завернули в новый кусок ткани. И если документ на его груди, то есть, под одеждой, был скрыт еще ранее, то он, естественным образом, перекочевал вместе с останками в саркофаг мавзолея!

- Пускай даже так, - кивнул я, прикидывая, как бы врезать по его несусветной гипотезе пожестче. – Но, видите ли, почтенный мэтр... Ваше любопытное предположение с треском рушится в свете событий июня 1941 года, о которых вы сами же и упомянули. Профессор Герасимов, наш знаменитый антрополог, фактически являвшийся главным действующим лицом экспедиции, дотошно описал каждую косточку, извлеченную из саркофага, каждый оказавшийся там предмет, каждый обрывок ткани и даже каждый случайный камешек. Группа кинооператоров-хроникеров под руководством орденоносца Каюмова снимала весь процесс на пленку. Рядом находились корреспонденты газет «Правда» и «Правда Востока», а также ТАСС, которые повсюду совали свой нос и фиксировали все самое интересное. Однако ни они,

ни другие участники экспедиции в своих воспоминаниях ни словом не обмолвились о каком-либо документе из гробницы Улугбека. Или вы считаете, что мы имеем дело, ха-ха, с заговором молчания?

«Ну, что, получил на орехи?!» – мог бы спросить я.

Улыбка Надыбина стала издевательской. Он знал что-то такое, чего не знал я.

- Полагаю, господин Голубев, вы невнимательно читали воспоминания этих людей, - заявил он. – Неужели не помните, что участники экспедиции жаловались, мол, в подземелье время от времени гас свет? Причем опытный, знающий электрик, прикомандированный к коллективу, так и не мог понять, что тому причиной. Так или иначе, людям волей-неволей приходилось периодически подниматься из темного склепа наверх. Второй момент: при вскрытии саркофагов всё помещение наполнялось резким запахом благовоний, отчего археологи испытывали сильное головокружение, и были вынуждены опять же выходить на свежий воздух. Добавьте сюда наши обязательные в любом деле перекуры, и вы без труда поймете, что даже в разгар работ возникало немало моментов, когда внутри склепа не оставалось ни одной живой души. Вы не исключаете, что кто-то из участников экспедиции, а ведь там перебывало много всякого народа, включая подсобных рабочих и даже случайных персонажей, мог, несмотря на царившую вокруг сутолоку, совершенно спокойно и незаметно для других извлечь из саркофага и утаить уже на своей груди этот документ?

- Поймите-поймите! Вы всерьез верите в реальность некоего советского расхитителя гробниц?

- Почему бы и нет! – запальчиво воскликнул он. – Вам ли не знать, что расхитители гробниц, а также скифских курганов и всяческих царских могил были всегда, во все времена, при всех режимах. Без расхитителей не обходилась ни одна археологическая экспедиция. Читайте Шлимана.

- Ладно, пусть так, – не стал спорить я. - Но вопросы все равно возникают.

- Например?

- Например, такой: почему ваш ярлык всплыл только сейчас, почти через семь десятилетий после его гипотетического похищения из саркофага?

- Не гоните лошадей, дорогой друг, – повторил в своей манере Надыбин. – Возможно, всё было гораздо проще, чем это представляется таким искусственным скептикам, как вы.

- С интересом готов выслушать ваши аргументы.

- Ну, так наострите уши! Известно, что еще накануне работ весь Самарканд был наполнен самыми фантастическими слухами. На базарах и в чайханах люди хоть и с оглядкой, но всё же говорили, что под гробницей Тимура спрятаны его сокровища, и теперь Сталин решил их достать, чтобы лучше подготовиться к войне с Гитлером. А еще говорили, что там лежит чудосабля Тимура, приносящая победу, сабля, которая разрубает человека на три части с одного удара, и опять же Сталин решил достать ее, пока не началась война, потому что эта сабля принесит ее обладателю победу. Молва утверждала также, что в саркофаге ждет своего часа некий манускрипт, где обозначены все тайники великого эмира. Понимаете, мой друг, мало кто из простых граждан верил, что гробницы вскрывают лишь для того, чтобы по черепам восстановить облики давно умерших деятелей. А теперь представьте, что нашелся достаточно решительный человек, знакомый с местными обычаями. Возможно, он ничего не вычислял заранее. Но когда с помощью талей над саркофагом Улугбека приподняли край тяжелой мраморной плиты, он был единственным, кто через узкую щелочку заметил бумажный уголок, выглядывавший из-под полуистлевшего куска ткани. Просто этот человек стоял под тем единственным углом, откуда можно было разглядеть манускрипт в саркофаге. Он, этот субъект, был в курсе гулявших по городу слухов, и в его мозгу в единый миг вспыхнула ослепительная догадка: ага, карта сокровищ действительно существует, только спрятана она не в гробнице Тамерлана, как утверждали многие жители, а в захоронении Улугбека! Включите черт возьми, воображе-

ние, ведь вы – литератор... Впереди еще много тяжелой физической работы, плита весит без малого полторы тонны, и тут старший техник объявляет перекур. Ученые и рабочие, а также все ваши коллеги-корреспонденты поднимаются наверх. А может, именно в этот момент погас свет. Так или иначе, склеп опустел. В нем остался лишь наш наблюдательный и хорошо информированный о базарных пересудах фигурант. Он уже не сомневался, что ключ к сокровищам лежит здесь, именно среди останков Улугбека. Не исключено, что решение завладеть документом пришло к нему спонтанно. Скорее всего, у него с собой был фонарик. Ведь свет гас то и дело, и многие участники экспедиции носили фонарики. Среди инструментов нашлась, надо полагать, подходящая жесткая проволока. Он загнул один конец в виде крючка и, подсвечивая себе фонариком, извлек из саркофага через узкую щель древний документ, после чего успел еще нагнать своих товарищей, неторопливо поднимавшихся к выходу. Вся операция от силы заняла две-три минуты... Вот, видите рваное отверстие здесь, в уголке? – он придвинул ко мне документ. – Его вполне могла оставить проволока...

Возникла пауза.

Я уже знал, как раскатать Надыбина по полной программе, но решил сначала поиграть с ним немного в кошки-мышки.

Должен же я хоть частично воздать ему за ту бесцеремонность, с которой он оторвал меня от моей повседневной творческой работы, пренебрежительно именуемой в некоторых *высоких* литературных кругах «поденщиной»!

- А вы всё же кокетничали, утверждая, что плохо знаете историю Востока, - тоном сладкоголосого подпевалы заметил я. – Судя по приведенным деталям, вы основательно проштудировали некоторые источники.

- Клянусь вам, я полный профан по этой части! – он молитвенно сложил руки на груди. – Что же касается изложенной версии, то я попросту пересказал вам ее со слов того самого человека – хозяина данного документа, только и всего. Фактически это всё, что я знаю о той эпохе и о тех событиях. То есть, я говорю, конечно, об эпохе Тимура – Улугбека.

- Значит, на ваш взгляд, документ подлинный?

- Уверен, что да!

- Разрешите взглянуть еще раз... - я протянул руку.

- Пожалуйста, – он вручил мне рукописный лист.

Я осмотрел ее со всех сторон, поднес к глазам:

- Стало быть, эта бумага извлечена из саркофага Улугбека, так?

- Я уже битых полчаса толкую вам об этом!

- Что ж, это меняет дело...

- То есть, я вас убедил?

- Напротив, разочаровали окончательно. Это полная липа, мой любезный Звездочет.

- Что вас смущает? – нахохлился он.

- Отличное состояние представленного документа.

- Вам ведь известно, что он находился в герметично закрытой камере, - напомнил Надыбин.

- В том-то и дело! Ибо в этой, как вы ее назвали, герметично закрытой камере мирзы Улугбека, ученые обнаружили, по выражению того же Герасимова, феноменальное количество хитиновых оболочек мушиных куколок, – не удержался я от резкого выпада. – Извините уж за столь неэстетичную подробность, но факт есть факт. И этот факт перечеркивает возможность сохранности бумаги, то есть, клетчатки, в первозданном практически виде.

- У вас всё? – усмехнулся он, не обнаруживая и тени смущения.

- Нет, не всё! – отрезал я и нанес ему окончательный, как мне казалось, нокаутирующий удар: - По рассказам старожилов, в середине девятнадцатого века, накануне вступления в Самарканд русских войск, вблизи Гур-Эмира проводились строительные работы, в ходе кото-

рых по неосторожности был запружен один из крупных арыков. К тому моменту, когда спохватились и разобрали запруду, вода успела затопить подвальное помещение склепа. Правда, воду быстро вычерпали, но было очевидно, что она частично просочилась в саркофаги. Археологическая экспедиция 41-го года подтвердила и этот факт тоже. Пускай внутрь саркофага попало даже совсем немного воды, но ее испарения все равно повредили бы документ. Однако на нем нет никаких следов, которые указывали бы, что он побывал в жидкой среде.

Надыбин выдержал мой натиск с олимпийским спокойствием, более того, заулыбался еще шире.

- А теперь взгляните сюда, дорогой друг, – он помахал в воздухе тем самым темно-желтым «конвертом».

Впрочем, мне уже было ясно, что это никакой не конверт.

- Это футляр из тончайше выделанной прочнейшей кожи! – с сардонической улыбкой нанес мне ответный удар Надыбин. – Готовясь в дальний путь, Улугбек, конечно же, мог предположить, что его одежда намокнет при переправе через реку или в случае внезапного ливня. И он заранее заказал непромокаемый футляр для столь важного документа. Нет, вы только пощупайте, какая кожа!

Я помял футляр в руках, посмотрел его на свет.

Кожа была тонкой, как шелк, и настолько мягкой, что футляр свободно умещался в кулаке. По его периметру на просвет виднелась цепочка еле заметных дырочек.

- Документ был вложен в этот футляр и прошит вместе с ним по краям крепкой нитью, а может, и жилой, – пояснил с победоносным видом Надыбин. – В свою очередь, футляр был пришит изнутри к халату, возможно, даже под подкладкой. Вот почему документу не причинили вреда ни время, ни насекомые, ни вода... Очевидно, кожаный футляр крепился к халату менее прочными нитями, чтобы их можно было быстро сорвать при необходимости. За пятьсот лет эти нити истлели, и футляр отделился от одежды. Притом, тело ведь лежало в особой позе, с приподнятым правым плечом, и, вероятно, футляр проглядывал каким-то краешком сквозь прорехи в истлевшем халате... Ну, я вас убедил?

Что я мог ему ответить?

- Сам футляр вы отдавали на экспертизу?

- Конечно! И тоже разным, независимым друг от друга специалистам. Все, без исключения, датировали его серединой 15-го века, а регионом происхождения материала называли Среднюю Азию. Те же повреждения, что все-таки имеются на документе, возникли в результате менее щадящих условий для хранения в течение последних десятилетий, то есть, уже после извлечения документа из саркофага...

Признаться, Надыбин уложил меня на обе лопатки.

И, знаете, что я вам скажу?

В глубине души я был только рад этому. Я ведь не из вредности с ним спорил. Мне тоже хотелось узреть чудо, но настоящее, без обмана!

Неужели оно, настоящее чудо, действительно передо мной?!

- Ладно, – сказал я. – Не буду изображать из себя непреклонного адепта махровой официальщины, каковым никогда не являлся. Готов даже допустить, что вашей версии не откажешь в логике. Но меня сильно смущает одно обстоятельство, о котором я уже упоминал. С момента вскрытия гробницы прошло более 70 лет. Почему за это время древние книги из библиотеки Улугбека так и не выплыли хоть где-нибудь. Почему этот наш мистер Икс, этот таинственный советский расхититель гробниц, не воспользовался богатыми плодами своей бесчестной акции? Уж не он ли является продавцом документа? Сколько же тогда ему лет? Сто или больше?

- Попробуйте взглянуть на дело под другим углом и тогда, быть может, простые ответы придут к вам сами собой, – продолжал дожимать меня Надыбин. – Гробница Улугбека была

вскрыта накануне войны. Документ, как вы изволили видеть, написан на фарси, то есть, по-таджикски, а наш персонаж этой письменности, наверняка, не знал, поскольку принадлежал к европейской части населения города. Возможно, он планировал постепенно найти надежного переводчика, затем отыскать тайник и уже видел себя в мечтах обладателем несметных сокровищ. Он ведь, скорее всего, не догадывался, что речь идет лишь о старинных книгах. Но тут вмешались форс-мажорные обстоятельства: война! Нетрудно предположить, что наш мистер Икс, этот расхититель гробниц, как вы его назвали, имел, вероятнее всего, призывной возраст. То есть, вскоре он был мобилизован и отправлен на фронт, где, надо полагать, погиб. Похищенный же им документ остался лежать в тайнике, но теперь уже в другом.

- Вот тут и начинаются детали, в которых, быть может, скрывается пресловутый дьявол, - не сдавался я.

- Тут не детали, а подлинная житейская история.

- Что ж, давайте я послушаю.

Надыбин отрицательно покачал головой:

- К сожалению, это территория чужой семейной тайны. Я дал продавцу слово молчать, и не могу нарушить своей клятвы. Уверяю, однако, что меня лично объяснения продавца удовлетворили вполне. Со своей стороны, обещаю свести вас с этим человеком в ближайшее время. Полагаю, он ответит на все ваши вопросы и завоеует ваше доверие, как завоевал мое.

- Ладно, - притворно вздохнул я, чувствуя, однако, как меня тоже охватывает некая эйфория. – Не будем трогать чужих семейных тайн. Но я силюсь понять: почему этот продавец сам не возжелал добраться до тайника, где, как он полагает, хранится золото тимуридов?

- Потому что ему известен перевод, из которого ясно следует, что в тайнике не золото, а книги.

- Древние книги, - уточнил я, – за которые могут дать хорошую цену. Очень хорошую!

- Это всё равно, что торговать шедеврами, украденными из прославленного музея, - хмыкнул Надыбин. - Впрочем, не буду касаться этической стороны дела. Замечу только, что всякая попытка заключить крупную сделку на черном рынке коллекционных вещей, связана с огромным риском, где ставкой может быть жизнь. А наш продавец – человек простой и скромный, вдобавок, довольно боязливый. Случайно сделавшись обладателем древней тайны, он оказался перед дилеммой: либо передать документ в государственный орган, что тоже могло бы навлечь на его голову немало неприятностей, хотя и другого рода, либо найти состоятельного коллекционера и негласно продать ему древний ярлык. Он выбрал второе, и я, зная все обстоятельства этого решения, его вовсе не осуждаю.

- Он сразу же вышел на вас?

- Ну, почему же на меня? Он обратился к букинистам, к антикварам, и, в конце концов, один из них назвал ему мое имя. Он позвонил мне по телефону. Мы встретились. Он передал мне первую страницу документа, чтобы я мог проверить ее подлинность, а вторую страницу, на точно такой же бумаге, где указаны координаты тайника и изображена его схема, оставил у себя, показав мне ее и даже дав подержать в руках.

- Стало быть, проверка подтвердила подлинность документа? Во всяком случае, этой первой страницы?

- Абсолютно! Как и кожаного футляра. Я вам уже говорил, и могу повторить еще тысячу раз.

- Продавец знает, где находится тайник? Он был там?

- Да. Он сообщил мне об этом. В самых общих чертах, разумеется.

- Он видел там книги, касался их, держал их в руках?

- Этот вопрос мы выносим за скобки.

- Но лично вас его версия удовлетворила?

- Вполне! – не довольствуясь этим энергичным восклицанием, он повторил еще раз: - Вполне.

- Простите за нескромность, но хотелось бы знать, как дорого он запросил?

- Терпимо. – Надыбин тонко улыбнулся: - Признаюсь вам откровенно, между нами, разумеется. Я без колебаний заплатил бы и в пять, и в десять раз больше.

- А в чем причина задержки? Почему вторая страница до сих пор не у вас?

Надыбин горестно вздохнул:

- Обычная людская недоверчивость.

- Вы всё же опасаетесь обмана с его стороны?

- Нет-нет! Я опасаясь, что, получив деньги, он, может быть, по неосторожности, проболтается кому-нибудь о нашей сделке, и она получит огласку, после чего тайна перестанет существовать. И тогда у меня просто перехватят пальму первенства, как это случалось уже не раз в истории археологии, да и науки в целом. Я тяну с выплатой только по этой причине, ибо не получаю от него ясных сигналов о том, что он будет нем, как рыба. Хотя, по моему впечатлению, это весьма осторожный и порядочный человек. Но ведь тут дело не в порядочности, а в элементарной беспечности, которая свойственна, увы, даже очень приличным людям. Пока он не получил денег – он молчит, но едва чек окажется у него в кармане, как я уже не смогу поручиться за его язык. - Новый вздох. – А он, со своей стороны, тоже, похоже, беспокоится, что я, получив документ, не переведу ему всей обещанной суммы. Словом, ситуация зашла в небольшой тупик, и я пока не представляю, как из этого тупика выбраться. – Вдруг он пронзительно глянул на меня: - Послушайте, может, у вас есть какая-нибудь свежая идея на этот счет?

- Просто откройте ему свои карты, - сказал я первое, что мне пришло в голову. - Предложите, так сказать, дополнительный протокол к основному договору. Растолкуйте ему, что не собираетесь делать бизнес на библиотеке Улугбека. Мол, вам нужна только слава первооткрывателя, что требует на данном этапе завесы полной секретности. А чтобы стимулировать его интерес, пообещайте ему к основной сумме дополнительные премиальные, гарантируя выплату, например, после завершения экспедиции. Вы же сами признались, что готовы заплатить за документ вдесятеро больше. Стало быть, в накладе не останетесь. Такого рода соглашение, как мне кажется, развеет дымку подозрительности между вами.

Он какое-то время молча смотрел на меня, затем воскликнул:

- А, пожалуй, я так и сделаю!

- Вот и чудесно. Разрешите мне еще взглянуть?

- Пожалуйста, – он придвинул свое сокровище ко мне.

Я осмотрел не столько документ, как футляр. Неудивительно, что я принял его за конверт: толщиной кожа не превосходила обычную почтовую бумагу, будучи при этом несравненно прочнее.

Что ж, такой футляр, да еще основательно зашитый со всех сторон, мог служить надежной защитой для содержимого.

- Благодарю вас, - я вернул ему и ярлык, и футляр.

- Я чувствую, наша встреча оказалась более плодотворной, чем можно было предположить, - он остановился напротив, слегка наклонившись ко мне: - Послушайте, вот о чем хочу вас спросить: Улугбек действительно пал от руки собственного сына?

- Честно говоря, это довольно темный и запутанный исторический детектив, где все точки над «и» еще не расставлены.

- Вы не могли бы рассказать мне об этом, хотя бы в самых общих чертах? Стыдно признаться, но я почти ничего не знаю о тимуридах. Заглянул в Интернет, но там слишком большой, а главное, сухой и противоречивый массив сведений.

- Могу вам дать список действительно полезной литературы.

- С благодарностью приму, но, поймите, сейчас у меня масса дел и на чтение просто не остается времени. Волей-неволей, я должен восполнять недостаток знаний на ходу.

- Похоже, у нас еще будут возможности побеседовать на эту тему, - ответил я. – Учтите только, что я не доктор исторических наук, я просто дотошный любитель старины.

- Это именно то, что мне нужно. Полагаю, наша очередная встреча не за горами? Но вы, Краснослав Иванович, еще не дали мне своего согласия на наше сотрудничество. Мы могли бы подготовить договор по всей форме, текст я уже набросал. А вместе с договором я подпишу и авансовый чек.

- Вы сделали мне интересное предложение, - ответил я. - Но я должен поразмыслить. Притом, у меня еще есть обязательства перед моими творческими партнерами.

- О, конечно, конечно! Сколько времени вам понадобится на то, чтобы уладить дела?

- Я вам сам позвоню, - мне, признаться, не хотелось связывать себя никакими обещаниями.

Он вручил мне свою визитку и проводил на крыльцо, возле которого уже стояла та же машина.

- Наше поселение охраняется довольно плотно по всему периметру, - сказал напоследок Надыбин. - Но я внесу вашу фамилию в список, и вас будут пропускать свободно. Приходите в любое время. – Следом он махнул водителю: - Анатолий! Отвези нашего гостя, куда он пожелает.

Глава 6. УЧЕНИК ЧИНГИСХАНА

Все источники утверждают, что великий полководец и завоеватель, «сотрясатель вселенной», любимец счастливых расположений звезд Тимур был неграмотен, то есть, не умел ни читать, ни писать.

При этом даже самые ярые его хулители, в частности, его заклятый враг историк Ибн Арабшах, сообщают, что Тимур обладал феноменальной памятью, свободно говорил на трех-четырёх языках и успешно участвовал в религиозных диспутах, разбираясь в тончайших нюансах вероучения.

Знаменитый арабский философ и историк Ибн Хальдун, с которым Тимур подробно беседовал в марте 1401 года после взятия Дамаска, был поражен глубиной исторических познаний великого эмира.

Ценил Тимур и поэзию и неплохо разбирался в ней. Он без натуги мог процитировать подходящее четверостишие по тому или иному поводу.

Словом, утверждение о безграмотности восточного властелина выглядит построенным на песке.

Скорее всего, Железный Хромец считал, что публичная демонстрация умения читать и писать – «не царское дело».

Особенно хорошо Тимур знал историю создателей мировых империй Александра Македонского – Искандера Двурогого и Темучина - Чингисхана.

Он, Тамерлан, и сам ведь встал с ними вровень, завоевав полмира. Разве его гигантская держава, раскинувшаяся от Эгейского моря до Восточного Туркестана, не потрясала воображение своими размерами?

Завоевав полмира, он, так же, как и они, выполнил половину задачи.

Однако вторая, самая трудная ее часть, заключалась вовсе не в том, чтобы завоевать другую половину мира.

Тимур уже знал, что ни один смертный не в силах сделать это, ибо человеческая жизнь слишком коротка.

Вторая половина задачи состояла в том, чтобы подготовить и оставить после себя достойного наследника, способного продолжить и завершить начатое.

Достойного же наследника могла дать только большая, крепкая и дружная Семья, сплоченная кровными узами.

Искандер Двурогий, похоже, так и не понял этого.

Он вообще не имел Семьи, в привычном понимании этого слова.

Потому-то его империя развалилась сразу после его смерти, был убежден Тимур.

С потомством Чингисхана дело обстояло гораздо сложнее.

Летописи говорили, и Тимур знал это наизусть, что общее число мужских потомков великого кагана к концу его жизни достигло примерно ста человек – это пятеро сыновей, порядка сорока взрослых внуков, а еще много дюжин подрастающих правнуков.

Но только первые четыре сына Чингисхана от его старшей жены Борте из племени кун-грат стали родоначальниками «золотого рода», оставив заметный след в истории.

Все эти четыре сына – Джучи, Чагатай, Угедей и Тулуй – были умны, отважны, находчивы, решительны и влиятельны. Каждый из них пользовался авторитетом и в армии, и среди простого народа.

Почему же столь достойная смена не смогла завершить начатое отцом, спрашивал Тимур себя и сам же давал ответ.

Беда в том, что не было между старшими сыновьями великого кагана ощущения единой Семьи.

В дни молодости Темучина - Чингисхана воины враждебного племени меркитов совершили внезапный налет на его стойбище и увели в плен его молодую жену Борте, которая в ту пору будто бы была беременной. Позднее, когда ее отбили, Борте родила мальчика, которого Темучин признал перед всеми своим сыном и назвал Джучи.

Время шло, однако нездоровые слухи среди монголов о происхождении Джучи не только не прекращались, но даже усиливались.

В нагнетании этих порочащих пересудов участвовали даже его младшие братья, особенно Чагатай.

Это приводило к частым ссорам и размолвкам, принимавшим порой весьма острую форму.

Безобразные сценки разыгрывались даже в присутствии самого Чингисхана.

Как-то раз, на важном совещании, когда Чингисхан дал первое слово, как положено, старшему сыну, Чагатай, не удержавшись, вскочил с места и закричал: «Почему мы должны повиноваться этому наследнику меркитского плена!» (Другие источники утверждают, что он выразился гораздо резче, назвав старшего брата «меркитским вырождением».)

Можно только догадываться, какие выражения употреблял Чагатай, склонный к крепкому слову, в кругу своих подчиненных. Он словно не понимал, что этими подозрениями оскорбляет еще и собственную мать.

Джучи в ответ схватил Чагатая за воротник и, в свою очередь, принялся осыпать его оскорблениями, предлагая немедленно устроить борцовский поединок, если только будет на то воля их родителя и государя.

Слово за слово, разгорячившиеся братья едва не вцепились друг в друга.

Чингисхан строго отчитал обоих и запретил им ссориться впредь, да только это мало повлияло на степень кипения их вражды, пустившей глубокие корни.

Так или иначе, но Чингисхан, размышляя о том, кого объявить своим наследником, вынужден был отвергнуть кандидатуры обоих старших сыновей, и мог делать выбор только между двумя младшими. А это все-таки был не самый лучший выбор, вот такая штука!

Наконец, Чингисхан принял тяжелое, но политически неизбежное решение.

На рубеже 1227 года его старший сын Джучи погиб якобы во время охоты.

Мало кто в монгольских степях сомневался, что эта смерть не была случайной, и что убийц подослал сам великий каган.

Позднее историки сочинили, будто Джучи замыслил отложиться от отца, за что, мол, и поплатился.

Пустые выдумки все это, считал Тимур.

Чингисхан пытался разрядить, наконец, обстановку в своей Семье, устранить источник неутраченного раздора.

Отец принес сына в жертву ради грядущего единства Семьи!

Вот только ничего хорошего из этого не получилось, ибо семена раздора уже дали ядовитые всходы в Доме великого кагана.

Отец ненадолго пережил старшего сына, назвав перед смертью своим наследником все-таки Угедея.

Хан Угедей правил неполных 13 лет.

Он поддерживал прежний порядок и даже расширил Монгольскую империю, как на Востоке, так и на Западе.

Вместе с тем, он слыл запойным пьяницей, особенно в последние годы жизни.

Так и умер после очередного пира, перебрав хмельного.

И хотя он тоже оставил завешание, в котором назвал имя наследника, но власть в империи перехватила, пользуясь «дырами» в монгольских законах, его главная жена Туракина-хатун, женщина некрасивая, властолюбивая, взбалмошная и мстительная, а вдобавок ко всему еще интриганка, отравительница и колдунья.

За пять лет своего правления она смертельно перессорила между собой едва ли не всех представителей «золотого рода», внесла в Семью раскол и смуту.

Чингисхан завещал своим потомкам согласие и единодушие, но все ли возможное он сам сделал для этого?

Похоже, что великий каган положился кое в чем на волю небес, вместо того, чтобы строже прописать законы престолонаследия.

Потому-то его империя быстро дала трещины и, спустя всего несколько десятилетий, распалась на обломки, часть которых, наследство Чагатая, снова объединил он, Железный Хромец.

Тимур был полон решимости избежать тех ошибок, которые совершили его учителя, Искандер и Чингисхан.

Недаром же его, Тимура, прозвали Сахибкиран, что означает «обладатель счастливого сочетания звезд».

Но ведь звезды благоприятствуют ему лишь по той причине, что он сам заранее старается все предусмотреть, изучая опыт неудач своих предшественников.

Железный Хромец был уверен, что открыл секрет бессмертия для своей державы, разгадал тот единственно правильный порядок, при котором семьсот поколений его потомков будут править счастливо и безмятежно, чья память о нем, Тимуре, основателе нового «золотого рода».

Глава 7. ЗАБЫТЫЙ РЕПОРТАЖ

Вернувшись домой, я первым делом налил себе стопку из последних запасов и промочил горло. В холодильнике было пусто, в кармане тоже. На моей пластиковой карточке висела последняя тысяча рубликов. Еще полторы тысячи я сам похоронил в компьютере. Материал был практически готов, и на его доводку требовался какой-то час. Но никакая сила в мире уже не могла меня заставить уткнуться в экран монитора.

Радужные горизонты манили в неизведанную дорогу, виртуальный праздничный фейерверк гремел и сиял где-то над головой, предвещая новую жизнь.

Сказать по правде, рассказ Надыбина покорила меня своей безыскусной логикой, против которой не сработал ни один из моих аргументов.

У меня богатая, необузданная фантазия, сочинять сюжеты – моя профессия, но, пожалуй, такого поворота я не смог бы вообразить. Рукопись, которая более 500 лет пролежала в гробу, а затем обрела второе дыхание на волне невероятного стечения обстоятельств, ну, как такое можно придумать! Ценнейший исторический документ похищается неким неприметным субъектом фактически на глазах у большой группы археологов, историков и работников СМИ!

И я держал этот документ, по крайней мере, часть его, в собственных руках!

Каково!

А ведь я и сам знал, что Улугбека похоронили как шахида, только не придавал значения этому аспекту. И вот выясняется, что за этой традиционалистской подробностью скрывается колоссальная сенсация, которая может привести к поистине эпохальному археологическому открытию.

Знал я и о том, что при вскрытии гробниц Гур-Эмира необъяснимо гас свет, происходили всякие странности, но мне и в голову не приходило связывать всё это воедино.

Погоди-ка, сказал я себе. Не суетись. Задачи надо решать последовательно. Ты всегда руководствовался этим правилом, вот и сейчас не отступай от него.

Давай-ка проверим версию господина Надыбина на прочность еще раз, прямо сейчас, не сходя с места.

Тем более что такие возможности у нас имеются.

Вообще, вокруг вскрытия гробниц мавзолея сложилось уже немало собственных легенд и всякого рода баск. Самая популярная гласит, что из саркофага Тимура, вскрытого якобы именно в 4 часа утра 22 июня 1941 года, вырвался дух войны, который и стал причиной нападения Гитлера на Советский Союз.

Комментировать тут нечего. Придерживаясь строгих фактов, я могу лишь отметить, что мраморная плита с гробницы Тимура была снята 19 июня в 19.30 по местному времени. Если дух войны и вырвался на волю, то именно в тот момент.

Впрочем, сейчас все мои мысли были направлены на проверку некоторых запомнившихся мне положений и тезисов из аргументации Надыбина.

Мне показалось, что я назвал ему еще не на все противоречия этой истории.

Я достал из ниши пухлую папку, в которой у меня были собраны вырезки, ксерокопии материалов и разрозненные записи, касавшиеся деятельности Большой археологической экспедиции 1941 года.

Где-то среди этой бумажной массы должна была находиться подборка ксерокопий, которые я сделал в свое время по материалам газет «Правда» и «Правда Востока» за июнь 1941 года.

Эти газеты я заказывал в библиотечном корпусе на Фонтанке еще лет пять назад, когда прочитал в какой-то интернетовской статейке, что власти скрывали от советских людей сам факт раскопок в Гур-Эмире.

Скрывали или нет, я и сам тогда не ведал, вот и решил проверить, так ли оно было, тем более что эта информация могла пригодиться мне при подготовке других материалов.

Когда старые подшивки за июнь 1941 года впервые оказались передо мной, я не смог удержаться от того, чтобы просто не перелистать их от начала до конца для общего впечатления.

Странное, почти нереальное ощущение духа минувшей эпохи возникало при беглом взгляде на международную страницу, которая появлялась в каждом номере «Правды».

«Сообщения германского командования»... «Коммюнике английского командования»... «Сообщения итальянского командования»... Карта боевых действий в Сирии... Карта высадки десанта на острове Крит... Бои в Африке... Боевые действия японцев в Тихом океане...

Весь мир воевал, словно сошел с ума, и только наша страна жила своей мирной жизнью, строила, созидала и даже проводила конкурсы художественной самодеятельности.

Причем, по общему тону публикаций даже мысли не возникало, что Советский Союз в ближайшее время может вступить в войну.

Очевидно, именно таким было и мироощущение большинства читателей того времени.

Лишь в номере от 14 июня появилось известное сообщение ТАСС, где все же содержались тревожные нотки, да изредка встречались лаконичные заметки о передвижениях к нашей границе финских войск.

Номер от 22 июня своим содержанием мало отличался от предыдущих.

Да иначе и быть не могло. Ведь газету верстали вечером, тираж печатали, очевидно, ночью, а по торговым точкам развозили уже под утро.

И лишь следующий номер, от 23 июня, был целиком военным.

Здесь публиковалось выступление Молотова, которое он делал, как было отмечено, по поручению Сталина. Рядом размещался большой портрет Сталина: рисунок, а не фотография. Кажется, это было единственное изображение вождя в газете за весь предыдущий период с начала месяца.

Посмотрел я и первые сводки Совинформбюро.

Практически все сообщения до конца месяца носили строго-спокойный характер. Утверждалось, что на всех участках фронта враг отброшен за линию государственной границы, и лишь на Гродненском направлении сумел закрепиться на занятых рубежах, но будет, несомненно, выбит, как только подойдут наши подкрепления... Пленные немецкие летчики утверждали, что фашисты гонят солдат в бой под угрозой оружия, и что простой народ ненавидит Гитлера...

Можно допустить, что те, кто читал июньскую «Правду» в далеком Самарканде, действительно верили в нашу не просто скорую, а в моментальную и триумфальную победу...

Затем я перешел к предмету своих изысканий.

Информацию о раскопках в Гур-Эмире «Правда» начала давать с 10-го июня. Это были, в основном, небольшие, хотя и весьма емкие заметки без подписи.

Куда более обширные репортажи публиковала издававшаяся в Ташкенте «Правда Востока».

И вот тут-то, когда я перешел к материалам этой газеты, которых за период с 18 по 25 июня было напечатано шесть, меня ожидал сюрприз.

Под всеми репортажами стояла подпись специального корреспондента Михаила Шевердина.

Дело в том, что я знал этого человека, видел его вживую!

Михаил Шевердин был народным писателем Узбекистана, широко, огромными тиражами издавался в Средней Азии, начиная с 60-х годов прошлого века, и пользовался определенной популярностью среди русскоязычных читателей региона.

Писал он, в основном, о борьбе с басмачеством, но по его книгам чувствовалось, что он хорошо знает историю края, местные обычаи и традиции, особенности менталитета коренных народов.

Притом, Самарканд был для него родным городом: здесь он окончил школу, а позднее, уже после революции, снова вернулся сюда.

Если мне не изменяет память, то Шевердин, проживший долгую жизнь, был ровесником века.

Следовательно, к моменту начала раскопок Гур-Эмира ему слегка перевалило за сорок.

То есть, это был не зеленый новичок, а журналист в расцвете сил, наблюдательный, въедливый и дотошный, умевший выделять главное в потоке информации.

Я сразу поверил, что он в своих репортажах не упустил ничего существенного, детально отразил общую атмосферу экспедиции. Фактически его репортажи являлись в моих глазах оперативным историческим документом.

Потому-то я и сделал, не задумываясь, ксерокопии, посчитав полезным для себя держать эти тексты под рукой.

Что ж, сейчас они могли снова сослужить мне определенную службу.

Я разложил ксерокопии на столе перед собой, заглядывая то в одну, то в другую.

Вот репортаж о вскрытии гробницы Улугбека:

«Скелет покрыт шелковой тканью савана, настолько хорошо сохранившегося, что видны до мельчайших подробностей все складки и следы не то рисунка, не то строения ткани. Кроме того, бросаются в глаза остатки темно-синего покрывала или, быть может, плаща... Это – шелковая ткань исключительно высокого качества, великолепно выделанная... Выясняется, что Улугбек был одет в рубаху и шаровары, примерно такого же покроя, как и у современного узбекского населения. Сохранилась даже поясная перевязь – “иштонбог”.

Так-так-так...

А вот еще один весьма любопытный аспект.

18 июня, когда вскрывали могилу Улугбека, в подземелье было особенно многолюдно. Одновременно работали в трех местах. Одна группа продолжала расчистку погребения Мираншаха, вскрытого ранее; оказалось, что внутренняя камера завалена землей. Вторая группа, как уже отмечалось, сдвигала массивную плиту с саркофага Улугбека. Наконец, третья группа вела подготовку к вскрытию гробницы Тимура.

Именно с ней, с тимуровой могилой, были связаны будоражащие, нервные ожидания, навешанные легендами и слухами. А вдруг там, внутри, действительно есть что-то необычное, разгадка какой-то тайны?

Я почти уверен, что мысли об этом одолевали всех без исключения: и простых рабочих, и академиков.

Иными словами, внимание каждого из участников экспедиции уже было невольно сконцентрировано на саркофаге Тимура, что, естественно, отвлекало от других захоронений, облегчая гипотетическому расхитителю его задачу.

Кстати говоря, в репортаже о вскрытии саркофага Тимура тоже содержится информация к размышлению:

«...Плита весом до 240 пудов... Под нее подводят деревянные катки... После перерыва экспедиция снова собирается у гробницы»...

После перерыва...

Ну, конечно, они устраивали перекуры!

А как же иначе, если приходилось с предельной аккуратностью и с полным напряжением сил вручную, буквально по сантиметрам, двигать тяжеленные мраморные плиты.

240 пудов – это почти четыре тонны...

Как же тут обойтись без перекура?

Я откинулся на спинку кресла и закурил.

Что ж, все складывалось одно к одному.

Мое воображение ожило, воссоздавая картину нижнего этажа мавзолея в тот беспокойный день.

Глухой склеп. Включены софиты, но тень от предметов кажется еще гуще.

Здесь, в подземелье, собралось много народу. Археологи, историки, антропологи, инженеры, народные мастера, врачи, коллекторы, журналисты, кинооператоры, художник Татевосян с мольбертом... Все чего-то ждут...

Рабочие жалуются на тесноту, ведь нужно поднимать, притом со всеми предосторожностями, тяжеленную плиту, а тут не повернуться.

Руководитель работ просит всех, кто не связан с конкретной операцией, ненадолго подняться наверх.

И вот в склепе остается только бригада коллекторов во главе с техником.

Наконец, после долгих усилий под слегка приподнятую плиту удастся подвести катки.

Между боковинами саркофага и крышкой образовалась щель величиной с ладонь.

Определенный этап работы завершен, да и люди устали.

- Перекур! – отдает команду техник.

Рабочие друг за другом потянулись наверх.

Но один из них наклоняется и смотрит через щель в саркофаг. Просто так, из «детского» любопытства.

А там, из-под полуистлевшей ткани выступает сквозь прореху желтый краешек какой-то бумаги, едва заметный в бледном свете, проникающем через узкую щель.

Человек озирается по сторонам. В склепе он один.

Ему невольно припоминаются слухи о кладе, ради которого будто бы и затеяна эта экспедиция.

Его взгляд падает на кусок проволоки в такелажном ящике...

Бумагу в саркофаге никто еще не заметил, а достать ее так просто...

Картинка словно ожила в моем воображении, и я понял, что никаких противоречивых деталей в ней нет.

Тем более что независимые эксперты признали документ подлинным.

Да, тонкий кожаный футляр был изначально пришит к халату (или плащу) изнутри, под подкладку!

За пять с половиной веков эти нитки истлели, и футляр сам собой отделился от ткани...

В вышине словно бы зазвучала таинственная музыка невидимых сфер.

Нет, слава Шлимана меня лично не манила, я видел здесь некий литературный сюжет, и он меня увлекал.

Именно в этот момент я тоже поверил окончательно в подлинность древнего самаркандского документа.

Но можно ли верить обещаниям самого Надыбина?

Что он за тип?

Богач, который не заработал собственным трудом ни копейки. Увлекается археологией, но почему-то в него стреляли. Изображает из себя простака, рубаху-парня, но сумел собрать обо мне и моих привычках весьма подробные и точные справки.

Почему бы не ответить ему тем же?

Благо, у меня есть свои информаторы, о которых господин Надыбин вряд ли догадывается.

Я подумал о Жанне и Юле.

Было времечко, лет так пять, нет, семь назад, когда я крутил одновременно два романа, которые не должны были пересечься в одной плоскости. Одна дама была классической блондинкой, вторая – яркой брюнеткой-вампи. Обе столь разнились и по внешности, и по темпераменту, что мне в большей степени было любопытно само течение этой истории, как некоего познавательного литературного процесса. Так уж сложилось.

Год или около того я умело лавировал, так что мои дамы, бывая у меня в гостях, даже не подозревали о существовании друг друга. Но однажды я допустил роковую ошибку, и две параллельные прямые пересеклись, согласно закону космического коварства, в моей бедной холостяцкой квартире.

Я и сам не устаю удивляться, как тихо всё обошлось. Быть может, потому, что оба моих романа уже исчерпали себя. Но последняя точка получилась эффектной.

В результате обе дамы сдружились между собой, да еще так крепко, что повсюду их видели только вдвоем.

Наши бывшие интимные отношения плавно перетекли в чистосердечную, ненавязчивую дружбу.

Время от времени мы встречаемся в каком-нибудь кафе, делаем подходящий заказ и треплемся обо всем на свете.

У обеих дам злые язычки и скептический взгляд на многие вещи. Обе – мастерицы по части перемывания чужих косточек.

Их информированность поразительна. Думаю, нет в нашей славной Северной Венеции такого человечка, о чьих недостатках и слабостях они не могли бы сказать хоть что-нибудь едкое. Но если и найдется такой смертный, то, полагаю, моим дамам потребуется не более суток, чтобы при необходимости вызнать всю его подноготную. Правда, чтобы получить от них информацию, нужно иметь к этой парочке особые подходы. Мне это иногда удается.

Блондинку зовут Юлией, брюнетку Жанной. Я так и не решил для себя, какая из них была мне дороже в свое время. Пожалуй, я ценил, да и сейчас ценю, обеих в равной степени.

Я достал сотовый и включил номер Жанны – просто потому, что он стоял первым в списке.

Занято. Любит девушка поговорить.

Я переключился на Юлю, которая откликнулась сразу.

- Привет, старушка! Давно не виделись, не находишь?

- Еще раз назовешь старушкой, пусть даже в шутку, убью! – пригрозила она в своей милой манере. – А еще друг!

Нет, Юля не убьет. Она слишком ленива для этого. А вот прозвучи такая угроза в устах Жанны, к ней следовало бы отнестись серьезно. Жанна – человек эмоций. Сначала сделает что-нибудь и только потом может задуматься о последствиях.

- Ладно, больше не буду, – покаялся я. – Так что там насчет дружеской встречи? Хотелось бы полюбоваться вашими славными мордашками. Заодно я бы внимательно послушал, чем знаменит в подлунном мире некий субъект по имени Надыбин Михаил Викторович.

- Ах, вот зачем мы тебе нужны! – хмыкнула она.

Я переждал небольшую паузу.

- Ладно, – послышался вздох. – Сейчас попробую разыскать Жанну, а после перезвоню тебе. А ты тем временем поработай над своей лексикой.

- Работа над лексикой – мой крест и мой хлеб, – признался я. – Но если честно, то эта работа кормит меня не слишком сытно, особенно в последнее время.

- Бедненький! – пожалела она.

Так или иначе, удочка была заброшена.

Я принялся ворошить содержимое раскрытой папки, надеясь разыскать в ней еще что-нибудь полезное.

Вот и пригодились мои старые бумаги. Кто бы мог подумать!

Глава 8. ДВЕ ПИФИИ

Встреча была назначена на нашей «конспиративной явке» – в чебуречной на Воскресенском.

Когда-то, еще в лучшие наши дни, мы случайно завернули сюда «на огонек», нам понравилось, и с той поры мы начали назначать свидания друг другу в этом чудном заведении, где было достаточно уютно и недорого.

Когда я вошел в зал, обе красавицы уже бражничали за своим любимым столиком. Судя по сервировке, они сделали заказ на всю компанию, включая мою безденежную персону.

Пос

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.